

ПРОБЛЕМИ МЕТОДОЛОГІЇ

УДК 94.001.8

Александр Клименюк

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ

Автор рассмотрел сущность и методологические возможности моделирования саморазвивающихся исторических процессов и явлений. Обосновал с позиций синергетического подхода инвариантную модель концептосферы речемышления и мыследействия исторической личности, показал особенности и перспективы практического использования множества возможных ее вариантных реализации.

Ключевые слова: исторические процессы и явления, историческая личность, речемышление и мыследействие, саморазвитие, моделирование, методологические возможности, перспектива.

*Коль воздуха захочешь,
открой окно ему.*

А. Клименюк

Похоже, что для профессиональных историков реальные проблемы отечественных как, впрочем, и зарубежных исторических исследований особым секретом не являются. Среди таких проблем находят свое место нередкая в наше время заангажированность самих субъектов познания, выдвижение конъюнктурных гипотез, сопровождаемое неуклюжими попытками их доказательства, субъективность оценок описываемых процессов, событий, а также иные явления, по сути, не имеющие отношения к истинной науке. Не менее важно также, что подавляющее большинство университетских исследователей сознательно или мимо своей воли вынуждены придерживаться определенных идеологических установок нанявшего их государства.

Естественными причинами порождения такого состояния исторических исследований в современном мире представляются как продолжающийся распад ряда тоталитарных государств и стремление наций, прежде входивших в их состав, изменить свой социально-экономический строй, так и сложный не всегда продуктивный поиск правящей элитой этих стран новой идеологии, способной длительное историческое время объединять нацию.

Поскольку логика и закономерные методологические особенности научных поисков, связанные с такими глобальными трансформациями, вполне описываются опубликованной нами [1, с. 131–138; 2, с. 17–26] интегральной моделью развития познания, то отметим лишь, что в подобные периоды генезиса любой науки имеет место одновременное сосуществование идей, теорий и взглядов, относящихся как к зарождающемуся новому, так и к отмирающему устаревшему знанию. Нет, пожалуй, смысла и усматривать что-то неожиданное в том, что в общекультурных процессах такого развития генезис исторической науки как одной из их составляющих мог избежать возникновения в нем указанных противоречий.

Обусловленная этими причинами картина поисков в исторических исследованиях и обретает порою типичные черты, присущие многим иным областям современной человеческой культуры, которые принято характеризовать сегодня общим понятием поп-культура. Такая культура даже не

требует, как известно, от ее представителей специальной профессиональной подготовки. Именно поэтому предстающая перед нами маргинальность результатов ее поисков становится очевидной, а их объективность сомнительной. Вполне понимая, что процесс очищения от таких с позволения сказать “творческих” наработок, как правило, занимает длительное историческое время, оставим его научный анализ будущим историкам.

В сложившихся обстоятельствах особенно важным становится рассмотрение потенциальных методологических возможностей повышения эффективности моделирования исторических исследований, являющееся целью предпринятого в данной работе теоретического поиска.

Трудность указанного рассуждения, со всей ее очевидностью, заключается в том, что подобный поиск следует предпринимать в пространстве интеллигибельной триады “история – культура – методология”, каждый элемент которой и без того представляется далеко неоднозначно объективно сформированным. В силу этого возникает необходимость предъявления к искомым нами моделям таких методологических требований, как объективность, достоверность и воспроизводимость результатов исторических исследований, а также возможность осуществления качественной и количественной оценок описываемых ими процессов.

Если взять на себя труд не путать историю с хронологией как конкретным приемом исторических исследований, то не сложно осознать, что никакой истории рассматриваемой вне культурного поля, характеризующего особенности взаимодействия людей в конкретных условиях развития окружающих их природы и социума, нет и по определению быть не может. Ибо такая история будет мало чем отличаться от мифов, легенд и других произведений народного эпоса, несомненно, сыгравших роль латентных источников зарождения истории как науки.

Во избежание этого нами, в первую очередь, и усматривалась возможность достижения максимальной объективности научно-исторического познания, под которой подразумевается [3, с. 511] изучение процесса развития любого объекта исторического исследования, выявление его качественных изменений и законов перехода от одного состояния к другому как некой системы, обладающей определенной внутренней структурой. Учитывалось также, что закономерности функционирования рассматриваемой при этом саморазвивающейся исторической системы нецелесообразно [4] интерпретировать линейной моделью. Так, в общих чертах, нами и были определены применимые ко всем изменяющимся во времени и развивающимся сферам объективной действительности (природе, обществу и мышлению) методологические условия, призванные обеспечить реализацию принципа историзма [5, с. 227] при использовании в исторических исследованиях моделей, искомым в данной работе.

Любой историк, хорошо знакомый с методологическими особенностями получения нового знания, прекрасно понимает, что для этого необходимы, как минимум, новые объект исследования, гипотеза, постановка задач познания, методы или приборы.

По всей видимости, в объеме нашего изложения, прежде всего, логично остановиться подробнее на потенциальных возможностях поиска и последующего выбора исследователем нового объекта исторического познания. Для этого, не опасаясь возможных погрешностей, достаточно напомнить, что в наиболее общем ее значении под объектной сферой исторических исследований следует понимать глобальный процесс исторического развития мировой (общечеловеческой) культуры как результат парадоксально-противоречивого социального взаимодействия в нем определенных групп и их отдельных представителей.

В таком случае под конкретными объектами данной сферы исторических исследований разумно подразумевать любые процессы реального саморазвития

планетарного союбщества, состоящие из системно связанного иерархически-альтернативного множества событий культурно-исторического плана, происходящих на уровнях отдельных континентов, территориальных регионов, этнокультурных союбществ, внутриэтнических групп индивидов, профессионально или мировоззренчески определенное время стабильных союбществ, коллективов, родовых и семейных образований, отдельно взятых выдающихся или обычных, как правило, типичных для данного времени и союбщества личностей.

Сделав небольшое отступление, обратимся теперь к наиболее общим определениям культуры [3, с. 69; 5, с. 292], согласно которым культура в ее широком понимании отражает исторически определенный уровень развития цивилизации и общества, творческих сил и способностей человека, выраженных в типах и формах организации жизни и социальных отношений, возникающих в процессах совместной деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Из смыслового насыщения приведенного выше определения глобальной объектной сферы исторических исследований, дополненного содержанием общего определения культуры, мы вполне можем выделить ряд важных более конкретных объектных сфер. Будучи частными по отношению к глобальной объектной сфере, такими объектными сферами предстают процессы: 1) саморазвития общества в целом, 2) развития творческих сил и способностей человека, 3) совершенствования человечеством типов и форм организации жизни и социальных отношений людей, 4) отражения уровня развития человечества в создаваемых им материальных и духовных ценностях, 5) совершенствования обществом системы социальных норм и учреждений, 6) изменения отношения членов общества к природе и себе и т. п.

Теоретически, учитывая реально возможную глубину выбора историком объекта познания, альтернативы которого могут охватывать пространство от разнообразнейших процессов саморазвития планетарного союбщества людей до истории развития отдельно взятого индивида, множество реально существующих объектов конкретно-научного исторического познания становится практически бесконечным.

Как видим, первое, из указанных выше условий получения нового знания, вполне выполнимо. Однако без наличия надежной теории или, по меньшей мере, адекватной ей гипотезы поиск такого знания окажется бессмысленным. Отсылая заинтересованного читателя к методологическим основам формирования теории [2, с. 34–82], напомним, что наиболее продуктивными элементами создания любой теории служили и служат процедуры выдвижения новых теоретических принципов [там же, с. 49–82] и новых гипотез [6, с. 206–213]. При этом оба указанных атрибута (и принцип, и гипотеза) должны быть сформулированы таким образом, чтобы из их содержания становилась очевидной связанная с их применением сущность нового подхода к проблеме или непосредственному исследованию объекта.

Сделаем здесь небольшое отступление и обратим внимание на то, что, будучи взятой в общем масштабе, структура любой концептуальной парадигмы исторических исследований должна охватывать иерархическую систему определенным образом взаимосвязанных между собой теорий, принципов и гипотез философского, общенаучного, конкретно-научного и методико-технологического уровней познания (см. подробнее [2, с. 38–48]). Благодаря этому, перед исследователями разных уровней профессиональной зрелости и открываются широкие возможности непрерывного обогащения исторической науки новым знанием. Однако именно из данного обстоятельства и вытекает необходимость четкого осознания историком не только новизны результатов предпринимаемого им исследования, но также и уровня их значимости, соотнесенного с общей теоретико-

концептуальної парадигмою, в рамках якої він намірен здійснювати свій науковий пошук. Справедливості ради слід зауважити, що подавляюче більшість істориків виконують дослідження, орієнтовані на відомі гіпотези, і значно рідше висунули їх самі. В першому випадку гіпотези лише перевіряються, а потенційна новизна дослідження редукується до рівня методів логічного і фактологічно-аргументаційного обґрунтування його результатів. Во другому ж випадку потенційним результатом може стати доказателство автором гіпотези, спроможної трансформуватися в ієрархічно конкретний елемент існуючої теоретико-концептуальної парадигми історических досліджень.

Слід звернути особливу увагу на те, що вибір нового об'єкта дослідження являється лише необхідним, але, знову ж, недостатнім умовою отримання нового історического знання, оскільки, як це детально показано нами [7, с. 154–156], з його вибором тісно пов'язана процедура обґрунтування необхідності проведення самого дослідження. Іншими словами, методологія виконання першого етапу наукової роботи – «обґрунтування об'єкта дослідження» – включає в себе вибір об'єкта наукового пізнання як необхідного умови його проведення і обґрунтування актуальності виконання передбачуваного дослідження як достатнього умови цілесобразності його практичного здійснення.

К сожалению, до нинішнього часу в середовищі початківців дослідників широко існують помилкові уявлення про те, що новизна об'єкта історического дослідження сама по собі робить його проведення актуальним, т.е. таким, виконання якого необхідно в даний час. Однак це далеко не так, оскільки з методологічної точки зору під процедурою обґрунтування актуальності історического дослідження розуміється двохуровнева логічна аргументація, свідечуюча про наявність певних потреб, умов і можливостей передбачуваного дослідження.

На першому рівні процедури обґрунтування актуальності дослідження слід коротко довести ступінь об'єктивної потреби самої історическої науки або соціальної практики в результатах передбачуваного пошуку нового теоретического або експериментального знання. Проще кажучи, будь-яке оплачуване державою дослідження може визнаватися актуальним тільки в двох ситуаціях.

Перша виникає тоді, коли рішення реальних соціальних проблем або асиметричне реагування на певні історическі виклики вже відомим керівництвом методами і засобами стають неефективними або взагалі неможливими. В силу цих обставин, як правило, і загострюється актуальність наукового пошуку істориками нового теоретического і практичного знання, необхідного державі для рішення назревших соціальних або політичних проблем.

Друга ситуація пов'язана виключно з потребами розвитку самої історическої науки. Вона виникає, зазвичай, як результат природного проявлення періодично повторюваних кризисів в загальному процесі преемственного розвитку наукового знання. Суть вказаних кризисів полягає в появі труднощів або в абсолютній методологічній неможливості використання основних елементів старого об'єктивно перевіреного наукою академічного знання як структурних елементів нових теорій або відповідних елементів інших рівнів загальноісторическої парадигми. В таких випадках і загострюється актуальність досліджень проблем, рішення яких дуже необхідно для подальшого розвитку самої історическої науки.

Понятно, что в первой ситуации идет речь об актуальности теоретического научного поиска путей и средств решения идеологических, а также разного рода конъюнктурных вопросов, результаты которого позволяют государству эффективно справляться с назревшими социально-политическими проблемами. Во второй же ситуации явно просматривается актуальность теоретико-методологического поиска научных решений, призванных обеспечить преемственность развития самого исторического познания в целом.

При этом и вполне понятно, что для решения актуальных проблем такого уровня, недостаточно одного желания исследователей, а необходима также объективная оценка возможностей их решения. Это обстоятельство приводит нас к необходимости рассмотрения еще одной весьма важной стороны процесса обоснования актуальности любого исторического исследования, связанной непосредственно с процедурой утверждения его темы.

Каждому профессиональному историку известно, что официально процедура “обоснования объекта исследования” завершается принятием положительного или отрицательного решения об актуальности и целесообразности выполнения обсуждаемой коллегами научной работы. Принятие соответствующих решений происходит на заседаниях кафедр, исследовательских лабораторий, отделов или ученых советов различных учебных заведений и исследовательских учреждений, к компетенции и обязанностям которых относят осуществление объективной оценки актуальности проведения конкретным исполнителем предлагаемого им исследования с учетом реальных условий и возможности его продуктивного завершения.

Обязательными вопросами, подлежащими рассмотрению при принятии экспертного решения являются: 1) новизна темы исследования и ее актуальность; 2) связь научной работы с госбюджетными научными программами, планами, темами, утвержденными министерством для разработки вузом, или соответствие темы предлагаемого исследования профилю исследовательского института; 3) теоретическая или практическая значимость ожидаемых результатов исследования; 4) возможность его осуществления в установленные сроки; 5) соответствие квалификации исполнителя уровню сложности проблемы исследования; 6) наличие компетентных научных руководителей или консультантов; 7) наличие в исторической науке достаточного для реализации предлагаемого исследования уровня теоретических предпосылок; 8) наличие информационной базы для решения задач исследования; 9) наличие методологических и методических разработок, связанных с решением проблемы исследования; 10) наличие адекватных методов исследования; 11) возможность использования современных методов исследования или методов, заимствованных из смежных наук.

Среди обязательных условий объективной экспертной оценки степени актуальности проблем исторических исследований в особом комментарии нуждается, на наш взгляд, лишь вопрос практической значимости результатов их выполнения. Представляется, что данный вопрос логично и целесообразно рассматривать в несколько более широком понимании. Так, считая предсказательную функцию не доминирующей в исторической науке, следует признать, что адекватное описание ею исторических процессов, явлений, событий и фактов зачастую и служит тем единственным исходным материалом, на основе которого сами историки, философы, экономисты, социологи и представители других наук разрабатывают весьма продуктивные прогнозы. В этом, пожалуй, и следует усматривать практическую ценность результатов большинства исторических исследований в их широком, а, тем более, конкретном понимании.

Резюмируя изложенное, можно сказать просто: актуальность любой научной работы следует понимать как совпадение в историческом времени потребности

социальной практики или самой исторической науки с квалификационными возможностями исполнителя и реальным наличием необходимых условий выполнения исследования.

Сфокусировав внимание на понятии “социальная практика”, мы убедимся в существовании столь огромного количества уже широко известных и зародившихся относительно недавно отраслей научного знания, в силу альтернативного множества которых проблема их строго логической классификации не решена науковедом до сих пор и, весьма вероятно, не имеет перспектив быть решенной в обозримое время. Для беглого осмысления реальной топологии современных научно-исторических поисков достаточно напомнить о существовании историй философии, культуры, физики, математики, театра, музыки, исторической географии, экономической истории, военной истории, историографии, славяноведения и множества прочих более или менее самостоятельных исторических наук, а также ряда отдельных направлений исторических исследований в науках неисторического профиля. Любые потребности представителей этих отраслей познания в определенном историческом знании и следует рассматривать как “потребности социальной практики” во всей их конкретности и многообразии. Отсюда становится самоочевидными и бесконечность объектов исторических исследований, и потенциальные масштабы необходимости их выполнения.

Казалось бы, у историков нет реальных возможностей охватить все это пугающее многообразие проблем. Однако глубокое понимание сущности саморазвития исторических процессов способно вызывать у нас небезосновательный оптимизм. Его основой является, прежде всего, то, что, во-первых, причины и механизмы развития любых, независимо от уровня их конкретных проявлений, исторических процессов следует искать в самой диалектике взаимодействия природы и человека. Во-вторых, исследователя, берущего на себя труд такого поиска, без всякого на то сомнения, ждет полезное открытие, суть которого заключается в том, что при практически бесконечном разнообразии исторических процессов, все они успешно описываются конечным числом неких моделей-архетипов. Поэтому неудивительно, что, так или иначе, рано или поздно, в исторической науке должна была назреть и назрела актуальность поиска методологических возможностей унифицированного моделирования охарактеризованного выше громадного количества изучаемых ею объектов.

В работах [1, с. 131–138; 2, с. 17–26; 8] нами обоснована обобщенная интегральная модель, позволяющая осуществлять как качественное, так и количественное описание любых исторически развивающихся процессов. Однако универсальность модели, достигнутая путем максимального абстрагирования от комплекса причин, повлиявших на развитие объекта исторического познания, делает её эффективным методологическим инструментарием ретроспективного анализа указанных процессов лишь при условии их однофакторного рассмотрения.

Это связано с тем, что в качестве причины в модели использовано историческое время, а искомым с её помощью следствием оказывается динамика исторического изменения только одной выбранной исследователем характеристики или показателя, метод количественной оценки которого уже существует или им предлагается. Естественно, что в ситуациях, требующих большей полноты описания объекта исследования, перед историком встает необходимость дополнительного моделирования динамики изменения ряда других, интересующих его факторов. Но и в таких случаях особых проблем с анализом причин не возникает, поскольку построение на шкале времени интегральных кривых изменения ряда моделируемых показателей позволяет

оценивать их с точки зрения существующей между ними причинно-следственной корреляции.

Несколько иначе обстоит дело при формировании моделей саморазвивающихся процессов речемышления и мышледействия, протекающих в сфере духовного бытия исторической личности. Эти процессы в силу многофакторной природы и недостаточной предсказуемости их саморазвития требуют для своего научного описания применения моделей более высокого методологического потенциала, т.е. моделей, обеспечивающих возможность учета большего числа факторов, влияющих на особенности развития рассматриваемого объекта. По этому поводу имеет смысл напомнить хорошо известный в теории и практике планирования и проведения многофакторных исследований феномен. Его сущность заключается в том, что при любом сколь угодно большом количестве факторов, способных оказывать влияние на конкретно исследуемый процесс, особенности протекания самого процесса определяют, как правило, всего лишь два-три наиболее значимых фактора или причины. Следовательно, для построения многофакторной модели речемышления и мышледействия исторической личности достаточно ввести в ее структуру три независимо действующих фактора или причины. Применяя такую модель, мы получим возможность рассмотрения уже четырехфакторной нераздельной зависимости, поскольку четвертым ее членом станет само следствие или результат взаимодействия трех факторов, введенных в модель в соответствии с целью предпринятого исследования.

Исходя из этого, для расширения возможностей интерпретации результатов исследования процессов речемышления и мышледействия исторической личности представляется целесообразным обратиться к модели, приведенной на рис. 1.

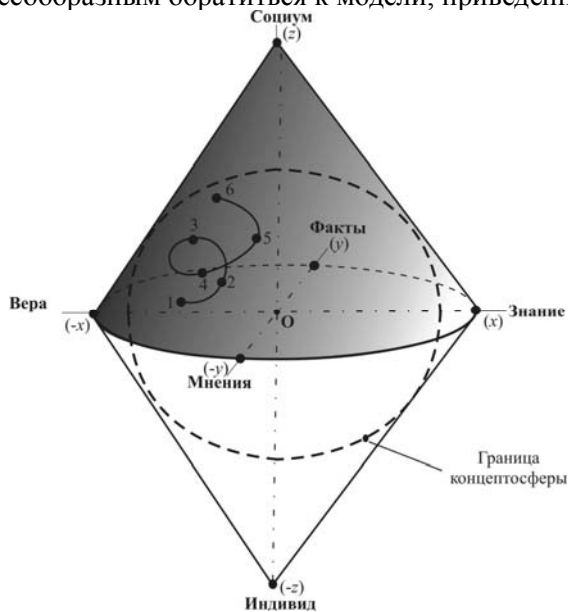

Рис. 1. Обобщенная модель концептосферы речемышления и мышледействия исторической личности.

Данная модель представляет собой вариант обоснованной нами и опубликованной в работах [1, с. 213–224; 9] универсальной модели концептосферы памяти индивида, адаптированный для решения проблем исторических наук. Ее методологически центральной осью является ось $(z-z)$, символизирующая глубину противоречий, постоянно возникающих между

потребностями социума и индивида. Эти противоречия и служат, в конечном счете, теми неиссякаемыми источниками реализации всех известных нам форм и результатов диалектического взаимодействия индивида и социума в процессах их совместного развития, без существования которых говорить об истории как науке не имело бы смысла.

В наиболее общем случае полюсами указанных противоречий следует считать “условия существования социума” и “условия выживания индивида”. Однако в зависимости от целевых структур исторических исследований таковыми более конкретными парами противоречий могут быть, например: “требования социума – стремление индивида”, “требования социума – возможности индивида”, “возможности социума – потребности индивида”, “конструктивные требования социума – деструктивные потребности индивида”, “деструктивные требования социума – конструктивные намерения индивида”, “требования цивилизации – генетические возможности индивида”, “социально-культурные нормы – культура индивида”, “идеология социума – мировоззрение индивида”, “ментальность этноса – духовные ценности индивида”, “требования гражданского долга – личностные качества индивида” и т.п. Определенные автором с точки зрения цели исследования такие противоречия выступают в модели в роли ведущих или главных и называются, обычно, вертикальными противоречиями. В отличие от них, противоречия, образующие на рис. 1 оси ($x-x$) и ($y-y$) называют горизонтальными и часто считают менее значимыми.

Рассмотрим подробнее плоскость развития горизонтальных противоречий, призванную отображать совокупность факторов или причин, оказывающих влияние на формирование концептуально-мировоззренческой сущности личности индивида, история саморазвития которого является объектом исследования. Как видно из модели, на развитие представлений индивида об окружающей его реальности, а, следовательно, и на результаты его речемышления и мышледействия влияет, прежде всего, природа источников, из которых его сознание черпает информацию. Таких источников четыре: вера, знание, мнения, факты. Поступающая из них информация обрабатывается сознанием индивида в плоскости горизонтальных противоречий по двум их соответствующим осям: “вера – знание” и “факты – мнения”.

В зависимости от гипотез предпринимаемых исторических исследований под знанием можно подразумевать как субъективное знание, порождаемое личным опытом индивида, так и социально опосредованное бытовое или научное знание. В свою очередь, говоря о вере, следует различать веру в религиозные догмы и веру в научное знание или мнение авторитетного человека. Мнения, высказываемые индивидом, также необходимо подразделять на доминирующие в социуме или менее популярные в нем оригинальные мнения, и собственные мнения, порождаемые опытом или сознанием самого индивида. Аналогичным образом факты целесообразно дифференцировать на общеизвестные объяснимые или необъяснимые и факты, тем или иным образом установленные самим индивидом. При этом важно понимать, прежде всего, то, что смылосодержательное насыщение полюсов осей ($x-x$) и ($y-y$), образующих плоскость горизонтальных противоречий на модели рис. 1, в каждом конкретно взятом историческом исследовании должно быть строго адекватно его задачам.

Нелишне напомнить и то, что, в силу бесконечности человеческого познания, реальная граница концептосферы речемышления и мышледействия исторической личности, обозначенная на модели штриховой окружностью, не может достигать крайних точек осей противоречий ($x-x$, $y-y$, $z-z$). Однако по мере развития познания граница концептосферы индивида должна неизбежно расширяться.

Проанализируем далее интерпретационные возможности модели (рис. 1). Обратим внимание на то, что диаметрально-горизонтальная плоскость,

образованная осями $(x-x)$ и $(y-y)$, четко разграничивает концептосферу речемышления и мыследействия исторической личности на две части. Подчеркнем в связи с этим, что любую точку, расположенную в пространстве, ограниченном объемом верхней половины концептосферы, можно рассматривать как результат речемышления и мыследействия конкретной исторической личности, не противоречащий писанным или неписанным законам или нормам, определяющим степень свободы индивида, регламентируемую социумом. Любые же точки пространства нижней половины концептосферы следует в таком случае трактовать как маркеры результатов речемышления и мыследействия личности, противоречащих требованиям и нормам социума. При этом чем ниже будет расположена точка по отношению к плоскости, образованной осями $(x-x)$ и $(y-y)$, тем большими следует считать отклонения результатов речемышления и мыследействия индивида от юридических или моральных норм, предписываемых ему социумом. И наоборот, чем выше окажется любая точка над указанной плоскостью, тем более приемлемыми для социума можно считать соответствующие ей результаты речемышления и мыследействия индивида.

Представляется также необходимым несколько подробнее остановиться и на интерпретационных смыслах пространственного расположения в модели точек, маркирующих результаты деятельности исторической личности. Для этого выделим из модели рис. 1 ее центральную часть – собственно концептосферу (см. рис. 2) – и путем разбиения проходящих через ее центр декартовых осей на три пропорциональные части, получим на каждой оси адекватные линейные шкалы. Вследствие этого объем самой концептосферы окажется разделенным на три пропорциональных в направлении ее радиуса объема. Примем теперь, что величина удаления точки, маркирующей результат деятельности исторической личности, от центра координат модели соответствуют степени ее потребностей в речемышлении и мыследействии. В таком случае любая из точек каждого из пространств трех концентрических сфер, разделенных на рис. 2 пунктирными окружностями, будет обозначать соответствующую степень потребностей исторического индивида в речемышлении и мыследействии: НСП – низкую, ССП – среднюю, ВСП – высокую.

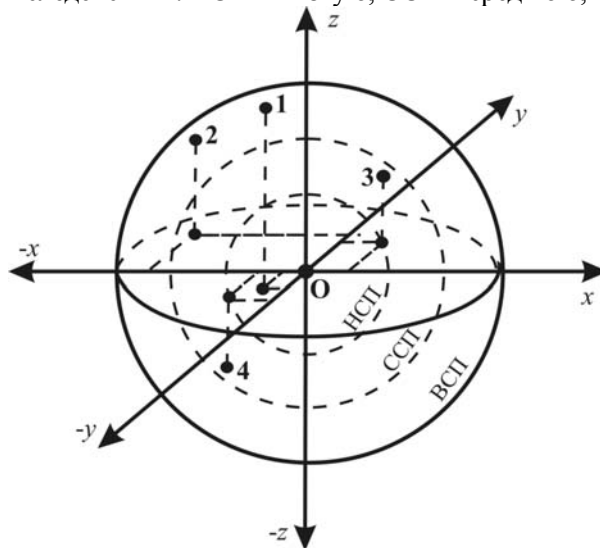

Рис. 2. Схема примеров отображения результатов речемышления и мыследействия исторической личности на модели рис. 1
Условные обозначения: НСП – низкая степень потребности, ССП – средняя степень потребности, ВСП – высокая степень потребности.

Обратим внимание на то, что в сформированной таким образом модели степени потребностей исторического индивида в принятии определенных решений, равно как и в совершении каких-либо действий, топографически совпадают со степенями, соответствующими потребностям социума.

Используя смылосодержательное насыщение элементов предыдущей модели в модели рис. 2, мы получаем следующие обозначения ее осей: oz – условия, необходимые для существования социума; $o-z$ – условия выживания индивида в социуме; ox – знания индивида о проблеме или ситуации; $o-x$ – вера индивида в необходимость участия или неучастия в решении проблем социума; oy – факты, убеждающие индивида в необходимости участия или неучастия в решении проблем социума; $o-y$ – известные мнения, разделяемые или не разделяемые индивидом о проблеме или ситуации, возникших в социуме.

Охарактеризуем теперь результат возможного моделирования поведения исторической личности, изображенный на рис. 2 точкой 1, расположенной в сфере высокой степени ее потребности в речемышлении имыследействии. Предположим при этом, что в некоем социуме (государстве, нации, этнической группе, племени, и т. п.) возникла острая необходимость (высокая степень потребности) в защите от внешнего врага или приближающейся угрозы иного характера (наводнения, засухи, ранних заморозков, эпидемии, землетрясений и т. д.). Естественно, что социум в лице представителей власти будет вынужден обратиться к населению с определенным призывом, содержащим не только план, но и необходимые условия коллективных действий.

Примером таких обстоятельств может быть, например, начало военных действий, повлекшее за собой дополнительную мобилизацию граждан в армию. В сложившейся ситуации реакция индивидов, непосредственно подлежащих призыву, может оказаться в значительной мере различной. Так, мы можем считать, что индивид, результатом речемышления имыследействия которого оказалась явка на призывной пункт, отмеченная на модели точкой 1, принял свое решение исходя из веры (см. проекцию следа точки 1 на ось $o-x$) в несправедливость войны со стороны противника и разделяемого им известного мнения (см. проекцию следа точки 1 на ось $o-y$) о долге каждого защищать свою родину. Поскольку, как это показано на модели решения, и действия индивида (точка 1) принимались им при определяющем влиянии веры и доминирующего в социуме мнения (т.е. в плоскости $-xoy$), то мы с полной определенностью можем также говорить о том, что он не владел фактами и знанием об ужасах военной реальности или же они отвергались его сознанием.

В отличие от него, также явившийся на призывной пункт индивид, результаты речемышления имыследействия которого отмечены на модели точкой 2, принимал решение, опираясь на факты о реальном положении дел в зоне конфликта (проекция следа точки 2 на ось oy) и неукоснительную (проекция следа точки 2 на ось $o-x$ в сфере ВСП) веру в необходимость выполнения своего гражданского долга. При этом, как видно из модели, доминирующим фактором в принятии решения оказалась вера.

И, тем не менее, независимо от различия факторов, определивших принятие первым (точка 1) и вторым (точка 2) индивидами одинаковых решений, в условиях возникновения в социуме высокой степени потребности в их участии (сфера ВСП), оба они проявили высокие гражданские качества.

Несколько иной характер приобрели действия третьего (точка 3) индивида, который на основе известных ему фактов (проекция следа точки 3 на ось oy) о реальном положении дел в зоне конфликта и знания (проекция следа точки 3 на ось ox) о возможности трагических последствий физического участия в нем,

принял выжидательную позицию (сфера ССП), уклонившись от явки на призывной пункт.

И совсем негативным по отношению к потребностям социума предстает перед нами поведение четвертого индивида (точка 4), решившего исходя из неверия (проекция следа точки 4 на ось $o-x$) в необходимость его участия в защите отечества, основанного на слухах (проекция следа точки 4 ось $o-y$) о бесполезности сопротивления, искать явно незаконную (точка 4 ниже плоскости, образуемой осями x и y) возможность уклонения от воинской повинности.

Отметим, что характерной особенностью методологии описываемого моделирования является то, что ориентация любого результата речемышления и мыследействия исторической личности, зарождающегося в плоскости горизонтальных противоречий модели и отражаемого в ней определенной точкой, может предопределяться по сути двумя факторами, которые в синергетике принято называть параметрами порядка саморазвития исторических процессов. Проще говоря, результат речемышления и мыследействия любой исторической личности может являться исключительно следствием превалирования в его сознании взаимодействия таких пар факторов как “знание” и “факты”, “вера” и “факты”, “вера” и “мнения”, “мнения” и “знания”.

Однако при всей кажущейся исчерпывающей полноте приведенных в примерах описаний, реальные процессы саморазвития исторических личностей являются более сложными. Известно, что в силу его человеческой природы и под влиянием идеологии социума любой индивид на протяжении своей жизни подвержен естественной необходимости изменения своих представлений и отношения к окружающей реальности. Именно поэтому следует методологически адекватно подходить к описанию разных стадий и этапов общего процесса его саморазвития как личности. Для этого в синергетике (см. напр., [1, с. 107–126; 2, с. 142–160]) разработана методология описания процессов саморазвития в двух масштабах их рассмотрения. Под первым подразумевается ее поведение в хаосе, возникающем в точке бифуркации системы, а под вторым – закономерное ее развитие по частному аттрактору или в объеме полной структуры-аттрактора.

Так, анализированный выше пример результата поведения второго индивида (рис. 2, точка 2) представляет типичный случай рассмотрения процесса в первом масштабе, ограниченном хаосом его саморазвития в точке бифуркации (2), зарождение которого интерпретировано нами следом точки 2 на плоскости $-xu$, а завершение – самой точкой 2. При наличии в историка соответствующей информации (документы, письма, воспоминания близких и т. п.) и в случае определенной протяженности во времени процесса принятия индивидом окончательного решения, саморазвитие явления, рассматриваемого в данном примере, можно описать во втором – полном масштабе, т. е. в масштабе его структуры-аттрактора, изображенного на рис. 1 спиралью 1–6.

Для углубления представлений о возможностях синергетического подхода к моделированию особенностей саморазвития конкретной исторической личности на основе описания этого процесса соответствующей структурой-аттрактором, интересно, на наш взгляд, было бы обратиться к судьбе Н. В. Гоголя. Вполне вероятно, историку, моделирующему саморазвитие его личности, пришлось бы убедиться в том, что зародившиеся под влиянием таких параметров порядка, как “вера” и “мнения взрослых”, детские представления Н. В. Гоголя об окружающей его реальности трансформировались со временем под воздействием “знания” и “собственного мнения”, а далее, подвергшись суггестии “необъяснимых фактов” и “неистинной веры”, мигрировали ниже уровня плоскости горизонтальных противоречий, приведя к недопустимым для выживания отклонениям от норм поведения, принятых в окружающем его социуме. При дальнейшем углублении научных представлений по этому или подобному ему вопросу такой

исследователь вынужден был бы признать, что смоделированная им структура-аттрактор является лишь одним вариантом (моделью-архетипом) саморазвития определенного множества судеб иных исторических лиц. И это вполне естественно, поскольку, как известно [1, с. 107], наличие двух-трех параметров порядка в таких сложных неравновесных системах, какой неизбежно оказывается психическая сфера любой исторической личности, свидетельствует о том, что процессы речемышления и мыследействия могут саморазвиваться в них лишь по определенным структурам-аттракторам, ограничивающим в силу собственных свойств человеческой психики альтернативы индивидуальных состояний ее подсистем.

Объективно говоря, настаивать на исключительном применении обоснованной выше модели было бы не совсем логично, поскольку с методологической точки зрения возможное количество вербальных или формализованных моделей, описывающих конкретный объект исследования, определяется, в свою очередь, возможным количеством отличающихся друг от друга целей, задач и аспектов его познания.

Поэтому обосновав максимально продуктивную для познания исторических объектов обобщенную модель (рис. 1), отображающую их поведение в трехмерных координатах, рассмотрим также методологический потенциал вариации взаимного положения и содержательного насыщения таких координат, позволяющий в принципе обеспечить возможность решения на ее основе любого множества возникающих задач и аспектов исследования. Для этого обратимся к графическому образу, приведенному на рис. 3.

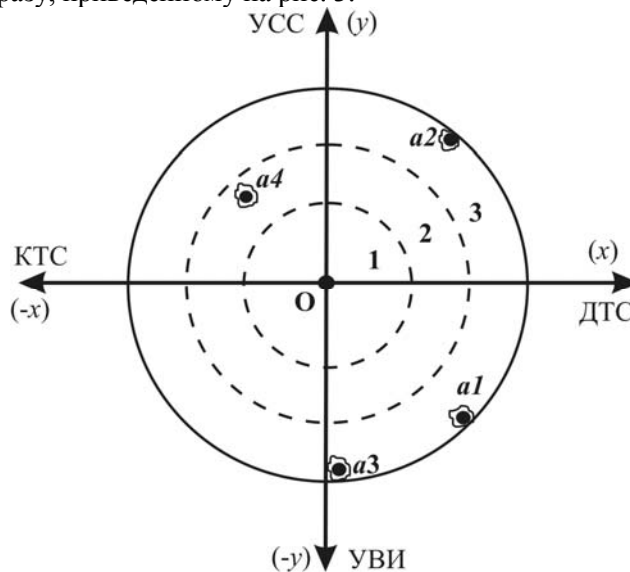

Рис. 3. Пример альтернативных координат и топологии фиксации результатов речемышления и мыследействия индивида на плоскости горизонтальных противоречий обобщенной модели, где УСС – условия существования социума; УВИ – условия выживания индивида; КТС – конструктивные требования социума; ДТС – деструктивные требования социума. Уровни значимости условий или требований: 1 – низкий, 2 – средний, 3 – высокий.

В отличие от рассмотренной выше плоскости горизонтальных противоречий обобщенной модели рис. 2, данная плоскость образована двумя парами соответствующих координатных осей: “условия существования социума” – “условия выживания индивида” и “конструктивные требования социума” –

“деструктивные требования социума”. Такой вариант вполне может иметь место при гипотезе исследования, согласно которой результаты речемышления и мыследействия исторического индивида будут непосредственно зависеть от степени обострения противоречий между требованиями, предъявляемыми ему со стороны социума и условиями его комфортного существования, безопасности или выживания. В таком случае хаос первой точки бифуркации саморазвивающегося процесса принятия индивидом определенного решения может порождаться и развиваться в любом из четырех квадрантов, на которые на рис. 3 осями координат разделена плоскость горизонтальных противоречий. Так, в первом квадранте (yx) на зарождение и развитие хаоса в психической сфере исторической личности будут оказывать основное влияние такие параметры порядка как УСС (условия, необходимые для существования социума) и ДТС (деструктивные по отношению к индивиду требования социума). Особенности хаоса, протекающего во втором квадранте ($xo-y$), определяться под воздействием следующих параметров порядка: ДТС (деструктивных по отношению к индивиду требований социума) и УВИ (условий, необходимых для выживания индивида). Хаосом в третьем квадранте ($-xo-y$) будут управлять УВИ (условия, необходимые для выживания индивида) и КТС (конструктивные требования социума к индивиду). И, наконец, разворачивание хаоса в четвертом квадранте ($-xoy$) определится результатом взаимодействия КТС (конструктивных требований социума) и УСС (условий, необходимых для существования социума).

Вполне естественно при этом и то, что в соответствии с изложенной выше гипотезой моделирования, из которой, как это показано в работе [6, с. 118–127], вытекает цель любого исследования, возникает необходимость иного, чем в модели рис. 2, членения объема и самой концептосферы речемышления и мыследействия исторической личности. В связи с этим, в рассматриваемом (рис. 3) случае целесообразно разделить концептосферу на три концентрических сферы, маркирующие следующие уровни значимости взаимных требований социума и индивида: 1 – низкий, 2 – средний, 3 – высокий.

Учитывая это, можно, характеризуя локализацию на модели рис. 3 результата речемышления и мыследействия исторической личности (точка **a1**), сказать, что индивид под непосильным давлением деструктивных требований социума принимал некое решение, имеющее для него высокий уровень значимости как обеспечивающее возможность выживания. Тогда в ситуации (точка **a2**) может идти речь о речемышлении и мыследействии исторической личности, разделяющей среднего уровня значимости для себя (проекция точки 2 на ось ox) деструктивные, но высокого уровня значимости для социума (проекция точки 2 на ось oy) требования, исходя из выгодного для него существования такого социума. Точка **a3** свидетельствует об обостренной реакции индивида на деструктивные требования социума низкого уровня значимости для его выживания. Результат речемышления и мыследействия исторической личности, маркированный точкой **a4**, показывает взвешенное согласие индивида с конструктивными среднего уровня значимости требованиями социума, призванными обеспечить необходимые условия его существования.

Заменяя в модели рис. 1 плоскость горизонтальных противоречий плоскостью, рассмотренной на рис. 2, мы и получим вариант конкретной модели концептосферы речемышления и мыследействия исторической личности, сформированный в соответствие с приведенной выше гипотезой. Но этим методологический потенциал обобщенной (инвариантной) модели концептосферы речемышления и мыследействия исторической личности (рис. 1) вовсе не исчерпывается. Во-первых, исследователь при наличии иных объектов познания, а, следовательно, и других гипотез волен изменять смылосодержательное насыщение оси вертикальных противоречий

инвариантной модели. Так, например, ось “социум” – “индивид” в силу изучения объектов иной природы и постановки других целей исследований может заменяться осями “мораль” – “религия”, “идеология” – “объективная реальность”, “сознание” – “инстинкт”, “внешняя безопасность” – “внутренняя безопасность”, “долг” – “совесть”, “экономическая безопасность социума” – “жизненный уровень индивида”, “духовность индивида” – “социальный статус индивида”, “состояние цивилизации социума” – “инстинкт самосохранения индивида”, “партийность индивида” – “ментальность индивида”, и т. д. и т. п. Во-вторых, не меньшей, а, пожалуй, большей вариативностью будут характеризоваться и возможные смыслы осей горизонтальных противоречий, поскольку при трансформации аспектов уже проведенных исторических поисков в предметы новых исследований (см. [6, с. 91–94]) часто имеет место определенная реверсивность каузальности их научного познания. В-третьих, как это показано в работе [1, с. 281–292], при необходимости более подробного научного описания стохастического саморазвития любого социально-исторического процесса исследователь может из точки “О” модели рис. 1 во всех ее восьми квадрантах построить равноудаленные от каждой из трех координат синхронные оси исторического времени. В-четвертых, а это весьма важно, следует помнить, что при изучении процессов саморазвития исторических личностей поле альтернатив смыслодержательного насыщения осей горизонтальных противоречий может быть резко расширено путем использования в модели таких диалектически взаимодействующих пар осей как “честолюбие индивида” – “зависть представителей микросоциума” (см. подр. [10]), “чувство долга индивида” – “моральные убеждения индивида”, “творческий потенциал индивида” – “социальный статус индивида”, “творческий поиск индивида” – “противодействие социума” и т.п., то есть использования противоречий психологического характера, определяющих духовный мир исторической личности.

Все рассмотренное выше свидетельствует о широчайших потенциальных возможностях формализации научного описания любых, исследуемых историками процессов и явлений. Но не следует забывать при этом, что, с одной стороны, объективной основой такого описания должны служить исторически достоверные факты и подлинные документы. С другой, не менее важно понимать также то, что без правильно сформулированной гипотезы историческое исследование неизбежно будет тяготеть к тому виду творчества, продукт которого, в лучшем случае, можно считать авторским описанием исторических событий. С третьей, историческое исследование требует наличия у его автора достаточного объема профессионального знания, научной эрудиции и методологических навыков междисциплинарного мышления.

Последнее заслуживает особого внимания хотя бы потому, что история, как таковая, собственно и зародилась на основе логического синтеза разного рода знаний, а подобную форму познания и называют теперь междисциплинарным исследованием. Поэтому нам представляется естественным считать, что современным наиболее эффективным методологическим инструментарием проведения исследования саморазвивающихся процессов должна быть синергетическая теория.

Отметим по этому поводу также, что, как минимум, две особенности синергетической теории как общенаучного метода принципиально свидетельствуют в пользу эффективности его применения в сфере научно-исторического познания. Первая связана с уже упоминаемой нами практической бесконечностью объектов исторических наук, а, следовательно, и с необходимостью поиска множества теоретических моделей для описания процессов их саморазвития. Вторая относится к самой идеи синергетического

(междисциплинарного) підходу, которая состоит в том, что основанное на объединении разных сфер знания его использование для изучения различных по природе и степени сложности исторических процессов позволяет обнаружить глубокие причинные связи там, где их невозможно было предвидеть и зафиксировать классическими методами научных исследований.

С практической точки зрения обоснованная в данной работе методология синергетического моделирования конкретных исторических процессов дает перспективную возможность систематизации типичных структур-аттракторов их саморазвития. В рамках такой систематизации вполне возможно создание своего рода большой библиотеки или каталога структур-аттракторов саморазвития исторических событий и судеб исторических лиц, позволяющих фиксировать результаты исследований их инвариантных и вариантных реализаций.

Мы надеемся, что прочтение этой работы способно сыграть роль информационной основы для методологической рефлексии исследователя истории. Это особенно важно, поскольку, во-первых, во избежание субъективности описания результатов исследователю необходимо владеть навыками методологического мышления, ибо в истории, как и в любой другой науке, столько полезного знания, сколько в ней методологии философии. Во-вторых, рано или поздно общество в целом, а вместе с ним и каждый истинный исследователь истории окажутся перед необходимостью отделять историческое знание от порой весьма продуктивных фантазий даже самых одаренных индивидов.

Список использованных источников

1. *Клименюк А. В.* Знание, познание, когниция: Монография / Александр Валеріанович Клименюк. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2010. – 304 с.
2. *Клименюк О. В.* Методологія та методи наукового дослідження: Навчальний посібник / Олександр Валеріанович Клименюк. – К.: “Міленіум”, 2005. – 186 с.
3. *Советский энциклопедический словарь* / Гл. ред. А. М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. – Изд. 4-е. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 1600 с.
4. *Клименюк А. В.* Синергетические архетипы саморазвития личностей и социально-исторических процессов // Україна-Європа-Світ. – Вип. 3: Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / Гол. ред. Л. М. Алексієвць. – Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2009. – С. 117–134.
5. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
6. *Клименюк О. В.* Технологія наукового дослідження: Авторський підручник / Олександр Валеріанович Клименюк. – К.: Ніжин: ТОВ “Видавництво “Аспект-Поліграф”, 2006. – 308 с.
7. *Клименюк О. В.* Системний підхід до інтенсифікації технологічних процесів: Монографія / Олександр Валеріанович Клименюк. – Тернопіль: ЛПЛЕЯ, 1998. – 264 с.
8. *Клименюк О. В.* Маятник пізнання: інтегральна та спіралеподібна моделі розвитку знання // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Філософія. – 2000. – Вип. V. – С. 47–57.
9. *Клименюк А. В.* Моделі концептосфери та механізмів когнітивного мышлення індивіда // Наукові записки. – Вип. 81(3). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. М. В. Винниченка. – 2009. – С. 88–104.
10. *Клименюк А. В.* Латентний парадокс людського буття // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія / За заг. ред. проф. М. М. Алексієвця. – 2006. – Вип. 3. – С. 201–205.

Олександр Клименюк

МЕТОДОЛОГІЧНІ МОЖЛИВОСТІ МОДЕЛЮВАННЯ ІСТОРИЧНИХ ПРОЦЕСІВ І ЯВИЩ, ЩО САМОРОЗВИВАЮТЬСЯ

Автор розглянув сутність та методологічні можливості моделювання історичних процесів і явищ, що саморозвиваються. Обґрунтував з позицій синергетичного підходу інваріантну модель концептосфери мовомислення і розумової діяльності історичної особистості, показав особливості та перс-

пективи практичного використання безлічі можливих її варіантних реалізацій.

Ключові слова: історичні процеси і явища, історична особистість, мовомислення і розумова діяльність, саморозвиток, моделювання, методологічні можливості, перспектива.

Aleksandr Klimenyuk

**METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF MODELING SELF-DEVELOPING
HISTORICAL PROCESSES AND PHENOMENA**

The author outlined the nature and methodological possibilities of the self-developing modeling of historical processes and phenomena. He also justified from the standpoint of a synergistic approach the invariant model of conceptual sphere of historical personality's speech-and-thinking and thinking-and-speaking processes as well as showed the features and prospects for the practical use of a multitude of possible variants of its implementation.

Key words: historical processes and phenomena, a historical figure, speech-and-thinking and thinking-and-speaking, self-development, modeling, methodological possibilities, perspective.